

Фанданго в русском исполнении | Fandango à la russe

Author: Надежда Сикорская, [Лозанна](#), 27.01.2023.

Петроград в 1921 году. Кадр хроники (DR)

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc переиздало прекрасный рассказ Александра Грина, в серии «Библиотека Димитрия».

Les Éditions Noir sur Blanc, Lausanne, ont réédité une formidable nouvelle d'Alexandre Grine, dans la Collection « La Bibliothèque de Dimitri ».

Fandango à la russe

Удивительно, как некоторые российские авторы, отошедшие на родине на второй план, а то и никогда не выходявшие там на первый, продолжают вызывать интерес зарубежных издателей и читателей. Совсем недавно мы писали о возникшем из детства благодаря новой изданию на французском языке [Михаиле Пришвине](#), сегодня поговорим об Александре Степановиче Гриневском (1880-1932), вошедшем в историю литературы под именем Александр Грин. Собственно, разговор о нем мы начали еще десять лет назад, когда представили вам переводчицу [Марион Граф](#), с легкой руки издателя [Владимира Димитриевича](#) донесшую до франкоязычной аудитории «Бегущую по волнам», одно из последних крупных произведений писателя, написанное в 1928 году и прославившееся, в частности, благодаря советско-болгарскому фильму 1967 года с великолепной Маргаритой Тереховой.

Рассказ [«Фанданго»](#) написан годом ранее и по размеру тянет на повесть, в какой-то степени это – эскиз к «Бегущей по волнам» в том смысле, что он тоже из категории фэнтези. Действие начинается в зимнем Петрограде 1921 года. В голодном заснеженном городе, где в том же году были расстреляны участники Кронштадского восстания и поэт Николай Гумилев, главный герой Александр Каур, «захваченный цыганским ритмом», встречается с загадочной иностранной делегацией, и эта встреча кардинально меняет его жизнь. «Войдя» в мистическую картину, он переносится в солнечный город на море – Зурбаган, в иную, счастливую реальность, придуманную долго прожившим в Крыму Грином и присутствующую во многих его произведениях.

«Зимой, когда от холода тускнеет лицо и, засунув руки в рукава, дико бегают по комнате человек, взглядывая на холодную печь, – хорошо думать о лете, потому что летом тепло. Мне представилось зажигательное стекло и солнце над головой. Допустим, это – июль. Острая ослепительная точка, пойманная блистающей чечевицей, дымится на конце подставленной папиросы. Жара. Надо расстегнуть воротник, вытереть мокрую шею, лоб, выпить стакан воды. Однако далеко до весны, и тропический узор замороженного окна бессмысленно расстилает прозрачный пальмовый лист.

Закоченев, дрожа, я не мог решиться выйти, хотя это было совершенно необходимо. Я не люблю снег, мороз, лед – эскимосские радости чужды моему сердцу. Главнее же всего этого – мои одежда и обувь были совсем плохи. Старое летнее пальто, старая шляпа, сапоги с проношенными подошвами – лишь этим мог я противостоять декабрю и двадцати семи градусам».

С этих слов начинается рассказ, который мы рекомендуем читать, уютно завернувшись в плед в хорошо обогреваемой квартире. Описание Грина, от которого так и веет холодом, никак не вяжется с ритмом фанданго – зажигательного испанского танца, исполняемого в паре в сопровождении гитары и кастаньет. «Я боюсь голод, ненавижу его. И боюсь. Он – искажение человека. Это трагическое, но и пошлейшее чувство не щадит самых нежных корней души», признается главный герой, и лишь тот, кто пережил холод и голод, способен до конца понять глубинный смысл это кажущегося таким простым признания. Александр Грин писал о голоде и холоде не понаслышке. Перебивав маркировщиком, грузчиком, пекарем,

переписчиком, банщиком, актером, Александр Грин часто терял работу, нищенствовал, и тогда его настигали голод и гибельное сознание своего одиночества в мире. Только испытывавший голод человек способен написать: «Пустые кастрюли...пахнут голодом.»

Устав от неустроенности, Грин добровольно пошел в солдаты, его последние годы прошли в крайней бедности, хлопоты Осипа Мандельштама ни к чему не привели: после его смерти в 1932 году Грина перестали издавать. В середине 1940-х годов, в годы борьбы с космополитизмом, была пущена в ход легенда об «иностранце русской литературы», созданная еще в дореволюционный период. О Грине забыли до 1960-х, когда, на волне оттепели, он вернулся к массовому читателю, а его творчество получило кардинальную переоценку: новое поколение критиков рассудило, что его непобедимая романтика – не уход от жизни, а приход к ней – с душой нараспашку, с верой в добро и красоту людей...

Герой «Фанданго» Александр Каур, явно смахивающий на автора, постоянно насвистывает зажигательную мелодию, согреваясь ею и наполняя его сводимый голодом желудок – далекая солнечная Испания так же недостижима, как волшебный Зурбаган. Герой «отгораживается мотивом» от повседневности: «Я превозмог мороз тем, что закурил и, держа горящую спичку в ладонях, согрел пальцы, насвистывая мотив испанского танца.» Повседневна эта безрадостна – достаточно прочесть описание прохожих на улице Петербурга столетней давности, чтобы проникнуться ею: «Прохожие были одеты в пальто, переделанные из солдатских шинелей, полушубки, лосиные куртки, серые шинели, френчи и черные кожаные бушлаты. Если встречалось пальто штатское, то непременно старое, узкое пальто. Миловидная барышня в платке лапала по снегу огромными валенками, клубя ртом синий и белый пар. <> Мрачные молодые мужчины шагали с нездешним видом». Причем принципиально не по тротуару.

Нищета страны победившего социализма, на черно-сером фоне которой выделяются цыгане с их пестрыми, хоть и рваными шальями, длинными юбками и золотыми браслетами. Цыгане, «внушающие неопределенную зависть и образ диких цветов», неудержимо тянут к себе Александра Каура, а с ним, вероятно, и самого Грина. «Что им история? эпохи? сполохи? переполохи? Я видел тех самых бродяг с магическими глазами, каких увидит этот же город в 2021 году, когда наш потомок, одетый в каучук и искусственный шелк, выйдет из кабины воздушного электромотора на площадку алюминиевой воздушной улицы», - пишет он, как и многие фантасты, заглядывая на сто лет вперед. Сто лет прошло. Вряд ли сегодня можно встретить на улицах Санкт-Петербурга цыганский табор. Впрочем, и воздушных электромоторов не видно, хотя электромобили уже присутствуют.

Отсылки к произведениям русской литературы как современного Грину периода, так и более раннего и позднего, в рассказе столько, что всех и не перечислишь. Как не увидеть в шагающем под снегом в старом летнем пальто Кауре гоголевского Акакия Акакиевича в его шинели? Не вспомнить нарисованный очаг в коморке папы Карло – аналога картины, ведущей в иную жизнь? Как не узнать булгаковского Воланда в испанском профессоре с его свитой и подарками и не восстановить в памяти образы страны будущего, созданные Евгением Замятиным в романе «Мы»? Не сомневаемся, что, перечитывая рассказ, каждый найдет еще много других, близких ему параллелей.

... Александр Кауров выходит из дома, чтобы отнести на почту заказное письмо, и

отсутствует два года, после чего возвращается к жене Лизе уже в 1923-й год и купленному на рынке лещу. Гражданская война кончилась, жизнь как-то налаживается... Не хотелось бы многим из нас сегодня так «отлучиться»?

От редакции: Ностальгирующим по «добрым старым временам» предлагаем послушать песню «Зурбаган» в исполнении Владимира Преснякова...

[русские](#)

Статьи по теме

[Марион Граф: «Я никогда не стану достаточно русской, но...»](#)

[Михаил Пришвин, забытый и прекрасный](#)

Source URL: <http://nashgazeta.ch/news/culture/fandango-v-russkom-ispolnenii>